

Глава 5

Император Чунчжао погрузился в пучину сна.

Вокруг расстился густой, молочно-белый туман. Государь медленно шел вперед, пока перед ним не возник горбатый мостик. У самого подножия высилась массивная каменная стела, на которой проступили кроваво-красные иероглифы:

[У берега трех жизней вращается колесо сансары. Шесть жизней любовных мук.]

На самой середине моста стояла женщина, укрытая тенью изящного зонта.

Император ступил на мостки.

Женщина медленно обернулась. Лицо её скрывала тонкая вуаль, не позволявшая разглядеть черты, но в глазах застыла невыразимая, тихая печаль. В волосах не было ни золота, ни жемчуга — лишь простая шпилька из черного дерева удерживала пряди, а на голове покоился сплетенный с изыском венки из бледных цветов. На ней было платье цвета молодой листвы.

Наложница Юнь при жизни не жаловала пышный дворцовый этикет и предпочитала скромные наряды.

— Юэцин?.. — прошептал Чунчжао.

— Ваше Величество, — отозвалась она, глядя на озерную гладь под мостом. Вода казалась огромным зеркалом, в глубине которого вспыхивали и гасли обрывки чужих жизней.

Император невольно подошел ближе.

— Юэцин, на что ты смотришь?

— На наши прошлые жизни.

«Прошлые жизни?..»

Государь замер.

Он проследил за её взглядом, и в тот же миг поверхность озера озарилась ослепительным светом. На воде проступили строки:

[Любовь длиною в шесть жизней, но звезда бедствия приносит невзгоды. Струны циня и флейты не звучат в лад, не будет доброго плода.]

Сознание Чунчжао, подстегнутое сценарием, который составил Цюй Дубянь, провалилось в водоворот видений.

Жизнь первая.

Он — прославленный генерал, закаленный в боях, она — юная дочь из знатного, но мирного рода. Родители Юэцин страшились отдавать дочь в семью военного, и лишь после долгих испытаний они смогли обменяться брачными клятвами.

В мирные дни их жизнь текла спокойно, подобно прозрачному ручью. Но пришла война. Он облачился в доспехи и ушел на фронт. Сражение, обещавшее легкую победу, обернулось катастрофой из-за предательства при дворе. Он пал на поле брани.

Узнав о гибели мужа, Юэцин, обезумев от горя, прижала к груди его окровавленный шлем и покончила с собой.

За окном в тот час осыпалась белая магнолия — точно такая же, как в их первую брачную ночь.

Жизнь вторая.

Он — бедный книжник, прибывший в столицу на экзамены, она — принцесса императорской крови. Он стал первым среди ученых, получив звание чжуаньюаня, и блестящее будущее расстилалось перед ним. Случайная встреча во время весенней прогулки разожгла в их сердцах пламя любви.

Спустя годы он дослужился до высокого чина, завоевал доверие государя и наконец решился просить руки Юэцин. Но именно в тот миг стране потребовалась принцесса, чтобы скрепить мир с северными варварами.

Его политический враг, злорадно улыбаясь, предложил императору кандидатуру Юэцин, предложив даровать ей титул и отправить на границу.

Он открыто выступил против, моля о милости и праве на брак, за что был приговорен к двадцати ударам палками. Истекая кровью, он впал в беспамятство, а когда очнулся, первым,

что он услышал, был указ о присвоении Юэцин титула принцессы и её немедленном отъезде в чужие земли.

Враг, желая окончательно растоптать его душу, подал прошение, чтобы именно его назначили послом, сопровождающим кортеж принцессы на первые триста ли.

На границе, в трехстах ли от столицы, они встретились в последний раз. Юэцин была в алом свадебном наряде, а он — в чиновничьем платье того же цвета. Когда-то они клялись состариться вместе, а теперь он мог лишь смотреть, как её увозят в шатер чужака.

Спустя несколько лет Юэцин угасла от тоски в чужих степях. Он покинул столицу и до конца дней оставался один. У могилы принцессы в варварских землях появился молчаливый хранитель из Срединной равнины.

Жизнь третья.

Он — наследник великого клана, она — вольная воительница-сякэ. Они встретились в мире рек и озер и после свадьбы вместе отправились странствовать.

Спустя годы, устав от бесконечных схваток, они нашли уединенный уголок среди бамбуковых рощ, мечтая о покое.

Тишина, шелест листьев и простое человеческое счастье.

Но однажды, вернувшись с охоты, он обнаружил в их хижине старого врага. Юэцин была мертва. Слепленный яростью, он растерзал убийцу и, прижав к себе остывающее тело жены, завыл от невыносимой боли.

На следующий день к их дому забрел лекарь. Увидев кровавую сцену, он в ужасе отпрянул, но, узнав правду, сменил гнев на милосердие. Перед уходом он с глубоким состраданием обронил:

— Беда... Какая беда... Ведь эта госпожа всего два месяца как носила под сердцем дитя. Какое горе, какой грех...

Услышав это, он прижал дрожащую ладонь к животу Юэцин, и из его груди вырвался надрывный, звериный хрип.

В каждой жизни их ждал один и тот же финал. Даже если у них рождался ребенок, он никогда не доживал до трех лет. Всякий раз, когда счастье казалось достижимым, чья-то злая воля разрушала их мир.

И вот — жизнь шестая.

Образы, мелькающие на поверхности озера, наконец стали узнаваемыми. Это была их первая встреча в этой жизни.

Император жадно впился взглядом в отражение.

Маленькая девочка с сияющей улыбкой тянула его за руку:

— Третий братец! Я хочу ту белую магнолию, на самой верхушке!

Он подхватил её на руки, поднимая высоко-высоко:

— Достаешь?

— Ва-а! Достала! Какой ты сильный, как высоко...

Тогда Чунчжао был лишь подростком, только вступившим в жестокую борьбу за престол. Его интерес к Сюй Юэцин поначалу был продиктован желанием сблизиться с её отцом, но эта светлая, искренняя девочка пробудила в нем настоящую, почти братскую нежность.

Позже, когда схватка за власть стала смертельно опасной, Маркиз, Держащий Меч, не желая втягивать дочь в интриги, увез семилетнюю Юэцин на север. Она пробыла там десять лет.

А когда вернулась, тот юноша уже стал полновластным владыкой Поднебесной.

Чунчжао подумал: вероятно, маркиз решил, что столица наконец стала безопасным местом, и хотел найти для дочери достойного мужа, чтобы выдать её замуж со всем положенным блеском.

Он и сам не ожидал, что сердце его дрогнет при виде повзрослевшей подруги детства.

Юэцин не любила столицу, но в конце концов согласилась стать его женой.

Зеркальная гладь озера с невероятной быстротой пронесла перед его взором туманные обрывки их совместной жизни. Чунчжао видел всё это словно сквозь пелену, но память сама достраивала детали, воскрешая в душе каждое мгновение, проведенное с наложницей Юнь.

Ушедшее и недостижимое всегда кажется в памяти совершенным. Теория о «белом лунном свете» и «алом пятнышке киновари», столь популярная у будущих поколений, была вполне применима и здесь.

В этой шестой жизни Чунчжао уже знал финал — смерть Юэцин при родах. Но теперь он увидел то, чего не замечал раньше.

В тот самый миг, когда Астрологическое управление вынесло свой приговор младенцу, с небес сорвалась звезда, окутанная черным дымом. Она рухнула прямо на северо-восточную часть императорского города — туда, где располагалось Астрологическое управление.

Женщина на мосту тихо произнесла:

— Черная звезда. Звезда бедствия.

Видения в озере испарились, но Чунчжао всё ещё пребывал в оцепенении.

— Звезда бедствия?..

— Звезда бедствия несет гибель, плод любви не созреет в благодати. Наша связь была отравлена её влиянием, и потому нас ждал лишь несчастливый конец.

— Звезда бедствия... — Чунчжао вспомнил, куда упало черное пламя. — Она в Астрологическом управлении?

— Возможно. Я не знаю, — она медленно повернулась к нему. — Ваше Величество, как долго меня нет рядом с вами?

Император почувствовал, как сердце сжалось от боли.

— Почти три года.

— Три года... — прошептала она, и в её голосе зазвучала тревога. — Как наш сын? Ему ведь скоро три? Какой у него характер? Что он любит есть?

— Он ведь милый, правда? Он уже учится? Он... он вспоминает обо мне?

— Ваше Величество, вы говорили ему, что мать очень любила его?

«...»

Чунчжао не мог вымолвить ни слова. Он открывал и закрывал рот, не смея встретиться с взглядом женщины.

Прошло много времени, прежде чем он глухо выдавил:

— Наш сын... с ним всё хорошо...

— Это славно.

Она повторила, словно заклиная судьбу:

— Это славно.

Она коснулась руки императора.

— Растить ребенка — тяжкий труд. Мне жаль тебя... и я очень скучаю.

С этими словами её тело начало таять, превращаясь в легкое облако тумана.

На воде проступила последняя строка:

[Шесть жизней брачного союза исчерпаны, более не суждено встретиться.]

Чунчжао бросился вперед, но пальцы его сжали лишь пустой, влажный воздух.

— Нет!!

В этот миг император, забыв, что находится во власти сна, ощутил, как ненависть к «звезде бедствия» достигла своего апогея.

— Нет!!

Император Чунчжао резко сел на кровати, тяжело дыша.

Евнух Юй вздрогнул, сонливость мгновенно слетела с него. Он бросился к ложу, едва не запутавшись в полах платья.

— Ваше Величество? Ваше Величество! — он поспешно откинул полог и замер.

Чунчжао коснулся лица и почувствовал на щеках влажные следы слез.

Евнух Юй, похолодев от страха, прошептал:

— Ваше Величество, вам нездоровится?

Государь медленно приходил в себя.

— Нет, — голос его был сиплым.

Спустя мгновение он повторил тише:

— Всё в порядке. Мне просто... приснился дурной сон.

«Значит, это был сон. Слава богу, это лишь сон»

Евнух Юй не осмелился перечить и лишь ниже склонил голову, замирая в ожидании.

Чунчжао глубоко выдохнул, подавляя тупую боль в груди. Он заставил себя отбросить гнетущую печаль, и в мгновение ока перед слугами вновь предстал император, чье лицо не выражало ни единой эмоции.

— Который час?

— Вашему Величеству пора вставать. Если начнем сейчас, успеем вовремя.

— Хорошо.

Слуги, отвечавшие за утренний туалет государя, тут же засуетились. В павильонах вокруг дворца Цзычэнь один за другим зажигались огни.

В то же время у камня перед воротами Дунхуа начали останавливаться повозки. Высшие сановники в пурпурных и алых одеждах, сбиваясь в небольшие группы, ожидали начала Великого приема — торжественного собрания при дворе.

Обычно проводились малые приемы, куда являлись лишь чиновники пятого ранга и выше. Великий же прием устраивался раз в десять дней: на него собирались все гражданские и военные чины для общего отчета. Как правило, такие дни были крайне утомительными.

Чунчжао всегда придавал большое значение этим собраниям, поэтому никто из подчиненных не смел относиться к ним халатно.

После ритуального приветствия «Десять тысяч лет нашему государю!» и зычного клика главного внуха «Встать!», Великий прием начался.

Чиновники всех ведомств перед выходом из дома специально умывались ледяной водой, а затем долго стояли на пронизывающем ветру. Теперь, хоть их и била дрожь, бодрости им было не занимать.

Особенно выделялся министр налогов и сборов Линь. Его взгляд рыскал по залу, подмечая каждое движение коллег. Он относился с подозрением к любому, кто не принадлежал к его ведомству, вечно опасаясь, что какой-нибудь наглец попытается вырыть яму и выманить у него серебро.

Министр общественных работ шагнул вперед:

— Докладываю Вашему Величеству.

— Средства, выделенные три месяца назад на возведение моста Ихэ, полностью исчерпаны. Сейчас работы находятся на завершающей стадии. Прошу Ваше Величество выделить Министерству общественных работ дополнительные средства.

В голове министра Линя взвыли все сигналы тревоги!

Первое же дело, первый же заговоривший — и сразу лезет к нему в кошелек? Какая наглость! Неслыханно!

Он тут же издал презрительный звук и холодно усмехнулся:

— Двести пятьдесят тысяч лянов серебра канули в бездну, и этого мало для одного моста? Мое министерство выделило четверть миллиона, и ни медяком больше! Если работы не закончены — значит, ваше ведомство не умеет планировать бюджет. Потратили и просите еще? Даже дитя на улице, не наевшись молока, просит у матери добавки, но господин Гу уже в годах, неужто он не понимает, как глупо это звучит?!

Этот господин Линь попал на службу не через горнило государственных экзаменов. Он обладал исключительным даром в управлении финансами, и прежний император ввел его в Министерство налогов и сборов. За несколько лет он проделал путь до самого верха.

Линь не считал себя утонченным литератором и даже гордился прозвищем «скряга», а потому никогда не утруждал себя изысканными речами и вежливыми оборотами.

В этот раз его брань была еще довольно сдержанной. При прежнем императоре он выражался куда грубее, едва не испортив нравы при дворе. Лишь после того, как государь несколько раз хорошенько его отчитал, он стал немного следить за языком. Впрочем, и министры, и Чунчжао давно к этому привыкли.

Министр общественных работ, привыкший к сотням подобных нападок, и ухом не повел. Его ведомство всегда было козлом отпущения — власти мало, дел гора, любви никакой. Подобная ругань была для него делом привычным.

Он невозмутимо поклонился министру Линю, а затем повернулся к императору и, едва не роняя слезы, взмолился:

— Требуется еще пятьдесят тысяч лянов. И это результат строжайшей экономии!

Лучшие счетоводы, прикомандированные из Министерства налогов и сборов, так усердно считали каждую кроху, что их счёты едва не дымились.

Один из военачальников глухо буркнул:

— С самого начала говорил: нечего этот мост строить. Народ и в объезд доберется, пусть и дольше. А эти деньги лучше бы к военному бюджету добавили!

— Строительство мостов и дорог — дело великое, на века! Что же, господин военачальник полагает, что мосты нам не нужны? Та ровная дорога, по которой скачет ваш любимый конь, — плод трудов нашего министерства, — один из чиновников Министерства общественных работ презрительно взмахнул рукавом. — Истинный мужлан! С летним насекомым не стоит толковать о льдах!

Военные, поначалу чувствовавшие себя неловко, мгновенно вспыхнули:

— Это ты про кого?!

Чиновники из ведомства господина Гу не отступали:

— Если отдать наши деньги на ваши нужды, так вы и на лбу у себя коней гонять начнете! Рожи-то вон какие наели на казенных харчах!

Военачальник вытаращил глаза и взревел:

— Мать твою за ногу!

Гражданские чиновники покраснели до корней волос:

— Наглец... Неотесанный юнец!

Они мысленно повторяли наставления Конфуция, изо всех сил сдерживая желание плюнуть в сторону военных.

Летописец деяний императора, пристроившись сбоку, строчил не покладая рук, пытаясь облагородить эту перебранку. В его записях для потомков этот день должен был остаться примером гармоничного и вежливого обсуждения государственных дел.

А цензоры, ответственные за надзор, радостно потирали руки, помечая имена тех, кто устроил шум в зале — всех их можно было обвинить в неподобающем поведении и неуважении к особе государя.

Будет император это читать или нет — дело десятое. Главное — подать жалобу. Что это за чиновник, на которого ни разу не доносил цензор!

Великие приемы всегда проходили шумно. Пока внизу кипели страсти, на лице евнуха Юя, стоявшего подле трона, отразилось беспокойство.

Он украдкой взглянул на императора. Чунчжао не сводил глаз с чашки чая на столе. Он смотрел на неё уже очень долго. С виду он был крайне серьезен, но на деле — глубоко погружен в свои мысли.

О чем же думал государь в разгар Великого приема?

<http://bllate.org/book/16117/1581325>